

В. Г.
БЕЛИНСКИЙ

Сочинения

Виссарион Белинский

Петербург и Москва

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Петербург и Москва / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

ISBN 978-5-457-13489-8

Статья «Петербург и Москва» замечательна не только полной и разносторонней характеристикой обеих столиц. Опираясь на выработанную им же концепцию русского исторического процесса, Белинский доказывает историческую необходимость Петербурга и обосновывает его национальное значение вопреки славянофильским толкам об «искусственном» происхождении этого города. Та же антиславянофильская тенденция звучит и в критической характеристике Москвы с ее «патриархальной семейственностью», представляющей благодарную почву для появления всяческих романтико-идеалистических теорий, в том числе и славянофильских.

ISBN 978-5-457-13489-8

© Белинский В. Г., 1845

© Public Domain, 1845

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Виссарион Григорьевич Белинский Петербург и Москва

Предки наши, принужденные в кровавых боях познакомиться с *божскими дворянами* и с берегами Невы, конечно, не воображали, чтоб на этих диких, бедных, низменных и болотистых берегах суждено было возникнуть Российской империи, равно как не воображали они, чтобы Московское царство когда-нибудь сделалось Российской империею. И возможно ли было вообразить что-нибудь подобное? Кто может предузнать явление гения, и может ли толпа предвидеть пути гения, хотя этот гений и есть не что иное, как мысль, разум, дух и воля самой этой толпы, с тою только разницею, что все, что таится в ней как смутное предчувствие, в нем является отчетливым сознанием? В конце XVII века Московское царство представляло собою уже слишком резкий контраст с европейскими государствами, уже не могло более двигаться на ржавых колесах своего азиатского устройства: ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить; ему предлежало великое будущее, и потому из него же самого бог воздвиг ему гения, который должен был сблизить его с Европою. Как все великие люди, Петр явился впору для России, но во многом не походил он на других великих людей. Его доблести, гигантский рост и гордая, величавая наружность с огромным творческим умом и исполинскою волею – все это так походило на страну, в которой он родился, на народ, который воссоздать был он призван, страну беспредельную, но тогда еще не сплоченную органически, народ великий, но с одним глухим предчувствием своей великой будущности. Поэтому Петр сам должен был создать самого себя, и средства для этого самовоспитания найти не в общественных элементах своего отечества, а вне его, и первым пестуном его было – *отрицание*. Совершенные невежды и фанатики обвиняли его в презрении к родной стране; но они обманывались: Петра тесно связывало с Россиею обоим им родное и ничем не победимое чувство своего великого призвания в будущем. Петр страстно любил эту Русь, которой сам он был представителем по праву высшего, от бога истекавшего избрания; но в России он видел две страны, – ту, которую он застал, и ту, которую он должен был создать: последней принадлежали его мысль, его кровь, его пот, его труд, вся жизнь, все счастье и вся радость его жизни. Ученик Европы, он остался русским в душе, вопреки мнению слабых, которых много и теперь, будто бы европеизм из русского человека должен сделать нерусского человека и будто бы, следовательно, все русское может поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта. Москва, столица Московского царства, Москва, уже по самому своему положению в центре Руси, не могла соответствовать видам Петра на всеобщую и коренную реформу: ему нужна была столица на берегу моря. Но моря у него не было, потому что берега Северного и Восточного океана и Каспийское море несколько не могли способствовать сближению России с Европою. Надо было немедленно завоевать новое море. Два моря мог он иметь в виду для завоевания – Черное и Балтийское. Но для первого ему нужно иметь Малороссию в своем полном подданстве, а не под своим только верховным покровительством, а это совершилось не прежде, как по измене Мазепы. Кроме того, ему нужно было отнять у турков Крым и взять в свое владение обширные степные пустыни, прилегающие к Черному морю, а взять их во владение, значило – населить их: труд несвоевременный! и притом к чему бы повел он? Столица на берегу Черного моря сблизила бы Россию не с Европою, а разве с Турциею, и насильственно притянула бы силы России к пункту столь отдаленному, что Россия имела бы тогда свою столицу, так сказать, в чужом государстве. Не такие виды представляло Балтийское море. Прилежащие к нему страны исстари знакомы были русскому мечу; много пролилось на них русской крови, и оставить их в чужом владении, не сделать Балтийского моря границею России – значило бы сделать Россию навсегда открытою для неприятельских вторжений и навсегда закрытою

для сношений с Европою. Петр слишком хорошо понял это, и война с Швециею *по необходимости* сделалась главным вопросом всей его жизни, главною пружиною всей его деятельности. Ревель и особенно Рига как бы просились сделаться новою столицею России – местом, где русский элемент лицом к лицу столкнулся бы с европейским, не для того чтоб погибнуть в нем, но принять его в себя. Но Ревель и Рига сделались позднее достоянием Петра, который вначале хлопотал не из многого – только из уголка на берегу Балтики, а медлить Петру, в ожидании завоеваний, было некогда: ему надо было торопиться жить, то есть творить и действовать, – и потому, когда Ревель и Рига сделались русскими городами, город Санктпетербург существовал уже семь лет, на него было уже истрачено столько денег, положено столько труда, а по причине Котлина острова и Невы с ее четверным устьем он представлял такое выгодное и обольстительное для ума преобразователя положение, что уже поздно и грустно было бы ему думать о другом месте для новой столицы. Он давно уже смотрел на Петербург, как на свое творение, любил его, как дитя своей творческой мысли; может быть, ему самому не раз казалась трудною и отчаянною эта борьба с дикою, суровою природою, с болотистою почвою, сырым и нездоровым климатом, в краю пустынном и отдаленном от населенных мест, откуда можно было получать продовольствие, – но непреклонная сила воли надо всем восторжествовала; гений упорен, потому именно, что он – гений, и чем тяжелее борьба, охлаждающая слабых, тем больше для него наслаждения развертывать перед миром и самим собою все богатство своих неисчерпаемых сил. Торжественная была минута, когда при осмотре диких берегов Финского залива впервые заронила в душу Великого мысль основать здесь столицу будущей империи. В этой минуте была заключена целая поэма, обширная и грандиозная; только великому поэту можно было разгадать и охватить все богатство ее содержания этими немногими стихами:

На берегу пустынных волн
 Стоял Он. дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
 Река неслася; бедный челн
 По ней стремился одиноко.
 По мшистым, топким берегам
 Чернели избы здесь и там,
 Приют убогого чухонца;
 И лес, неведомый лучам
 В тумане спрятанного солнца,
 Кругом шумел...
 И думал Он:
 «Отсель грозить мы будем шведу,
 Здесь будет город заложен
 На зло надменному соседу,
 Природой здесь нам суждено
 В Европу прорубить окно:
 Ногою твердой стать при море,
 Сюда по новым им волнам
 Все флаги в гости будут к нам,
 И запируем на просторе».^{1}

^{1} Из поэмы Пушкина «Медный всадник».

Петербург строился экспромтом: в месяц делалось то, чего бы стало делать на год. Воля одного человека победила и самую природу. Казалось, сама судьба, вопреки всем расчетам вероятностей, захотела забросить столицу Российской империи в этот неприязненный и враждебный человеку природою и климатом край, где небо бледнозелено, тощая травка мешается с ползучим вереском, сухим мохом, болотными порослями и серыми кочками, где царствует колючая сосна и печальная ель и не всегда нарушает их томительное однообразие чахлая береза – это растение севера; где болотистые испарения и разлитая в воздухе сырость проникают и каменные дома и кости человека; где нет ни весны, ни лета, ни зимы, но круглый год свирепствует гнилая и мокрая осень, которая пародирует то весну, то лето, то зиму... Казалось, судьба хотела, чтобы спавший дотоле непробудным сном русский человек кровавым потом и отчаянною борьбою выработал свое будущее, ибо прочны только тяжким трудом одержанные победы, только страданиями и кровию стяжанные завоевания! Может быть, в более благоприятном климате, среди менее враждебной природы, при отсутствии неодолимых препятствий, русский человек скоро возгордился бы своими легкими успехами, и его энергия снова заснула бы, не успев даже и проснуться вполне. И для того-то тот, кто послан ему был от бога, был не только царем и повелителем, действовал не одним авторитетом, но еще более собственным примером, который обезоруживал закоснелое невежество и веками взлелеянную лень:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник!^{2}

Несмотря на всю деятельность, которой история не представляет подобного примера, Петербург, оставленный Петром Великим, был слишком бедный и ничтожный городок, чтоб о нем можно было говорить, как о чем-то важном. Казалось, этому городку, обязанному своим насильственным существованием воле великого человека, не суждено было пережить своего строителя. Воля одного из его наследников могла осудить его на вечное забвение или на ничтожное чахоточное существование... Но здесь-то и является во всем блеске творческий гений Петра Великого: его планы, его предначертания должны были продолжаться вековечно. Таковы право и сила гения: он кладет камень в основание новому зданию и оставляет его чертеж; преемники дела, может быть, и хотели бы перенести здание на другое место, да негде им взять такого прочного камня в основание, а камень, положенный гением, так велик, что с человеческими силами нельзя и мечтать сдвинуть его...

Петербург не мог не продолжаться, потому что с его существованием тесно было связано существование Российской империи, сменившей собою Московское царство. И рос Петербург не по дням, а по часам:

Прошло сто лет, – и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды

^{2} Из стихотворения Пушкина «Стансы» (1826).

Свой ветхий невод; ныне там
 По оживленным берегам
 Громады стройные теснятся
 Дворцов и башен; корабли
 Толпой со всех концов земли
 К богатым пристаням стремятся;
 В гранит оделася Нева,
 Мосты повисли над водами;
 Темнозелеными садами
 Ее покрылись острова;
 И перед младшею столицей
 Главой склонилася Москва,
 Как перед новою царицей
 Порфиноносная вдова.^{3}

Таким образом, Россия явилась вдруг с двумя столицами – старою и новою, Москвою и Петербургом. Исключительность этого обстоятельства не осталась без последствий более или менее важных. В то время, как рос и украшался Петербург, по-своему изменялась и Москва. Вследствие неизбежного вторжения в нее европеизма, – с одной стороны, и в целостности сохранившегося элемента старинной неподвижности, с другой стороны, она вышла каким-то причудливым городом, в котором пестреют и мечутся в глаза перемешанные черты европеизма и азиатизма. Раскинулась и растянулась она на огромное пространство: кажется, куда огромный город! А походите по ней, – и вы увидите, что ее обширности много способствуют длинные-предлинные заборы. Огромных зданий в ней нет; самые большие дома не то чтобы малы, да и не то чтобы велики; архитектурным достоинством они не щеголяют. В их архитектуру явно вмещался гений древнего Московского царства, который остался верен своему стремлению к семейному удобству. Стоит час походить по кривым и косым улицам Москвы, – и вы тотчас же заметите, что это город патриархальной семейственности: дома стоят особняком, почти при каждом есть довольно обширный двор, поросший травою и окруженный службами. Самый бедный москвич, если он женат, не может обойтись без погреба и при найме квартиры более заботится о погребе, где будут храниться его съестные припасы, нежели о комнатах, где он будет жить. Нередко у самого бедного москвича, если он женат, любимейшая мечта целой его жизни – когда-нибудь перестать *шататься по квартирам* и зажить своим домком. И вот, с горем пополам, призвав на помощь родное «авось», он покупает, или нанимает на известное число лет, пустопорожнее место в каком-нибудь захолустье и лет пять, а иногда и десять, строит домишко о трех окнах, покупая материалы то в долг, то по случаю, изворачиваясь так и сяк. И наконец наступает вожделенный день переезда в собственный дом; домишко плох, но зато свой, и притом с двором стало быть, можно и кур водить, и теленка есть где пасти; но, главное, при домишке есть погреб – чего же более? Таких домишек в Москве неисчислимое множество, и они-то способствуют ее обширности, если не ее великолепию. Эти домишки попадают даже на лучших улицах Москвы, между лучшими домами, так же как хорошие (то есть каменные в два и три этажа) попадают в самых отдаленных и плохих улицах, между такими домишками. Для русского, который родился и жил безвыездно в Петербурге, Москва так же точно изумительна, как и для иностранца. По дороге в Москву наш петербуржец увидел бы, разумеется, Новгород и Тверь, которые совсем не приготовили бы его к зрелищу Москвы; хотя Новгород и древний город, но от древнего в нем остался только его кремль, весьма невзрачного вида, с Софий-

^{3} Из поэмы Пушкина «Медный всадник».

ским собором, примечательным своею древностию, но ни огромностию, ни изяществом. Улицы в Новгороде не кривы и не узки; многие дома своею архитектурою и даже цветом напоминают Петербург. Тверь тоже не даст нашему петербуржцу идеи о Москве: ее улицы прямы и широки, а для губернского города она довольно красива. Следовательно, въезжая в первый раз в Москву, наш петербуржец въедет в новый для него мир. Тщетно будет он искать главной, или лучшей, московской улицы, которую мог бы он сравнить с Невским проспектом. Ему покажут Тверскую улицу, – и он с изумлением увидит себя посреди кривой и узкой, по горе тянущейся улицы, с небольшою площадкою с одной стороны, – улицы, на которой самый огромный и самый красивый дом считался бы в Петербурге весьма скромным, со стороны огромности и изящества, домом; с странным чувством увидел бы он, привыкший к прямым линиям и углам, что один дом выбежал на несколько шагов на улицу, как будто бы для того, чтобы посмотреть, что делается на ней, а другой отбежал на несколько шагов назад, как будто из спеси или из скромности, – смотря по его наружности; что между двумя довольно большими каменными домами скромно и уютно поместился ветхий деревянный домишко и, прислонившись боковыми стенами своими к стенам соседних домов, кажется, не на радуется тому, что они не дают ему упасть и, сверх того, защищают его от холода и дождя; что подле великолепного модного магазина лепится себе крохотная табачная лавочка, или грязная харчевня, или такая же пивная. И еще более удивился бы наш петербуржец, почувствовав, что в странном гротеске этой улицы есть своя красота... И пошел бы он на Кузнецкий мост: там все то же, за исключением деревянных домишек; зато увидел бы он каменные с модными магазинами, но до того миниатюрные, что ему пришла бы в голову мысль – уж не заехал ли он – новый Гулливер – в царство лилипутов... Хотя ни один истинный петербуржец ничему не удивляется и ничем не восторгается, но не удержался бы он от какого-нибудь громко произнесенного междометия, если бы, пройдя круг опоясывающих Москву бульваров – лучшего ее украшения, которому Петербург имеет полное право завидовать, – он, то спускаясь под гору, то подымаясь в гору, видел бы со всех сторон амфитеатры крыш, перемешанных с зеленью садов – будь при этом вместо церквей минареты, он счел бы себя перенесенным в какой-нибудь восточный город, о котором читал в Шехеразаде. И это зрелище ему понравилось бы, и он по крайней мере в продолжение весны и лета охотно не стал бы искать столицы и города там, где, взамен этого, есть такие живописные ландшафты...

Многие улицы в Москве, как то: Тверская, Арбатская, Поварская, Никитская, обе линии по сторонам Тверского и Никитского бульваров, состоят преимущественно из «господских» (московское слово!) домов. И тут вы видите больше удобства, чем огромности или изящества. Во всем и на всем печать семейственности: и удобный дом, обширный, но тем не менее для одного семейства, широкий двор, а у ворот, в летние вечера, многочисленная дворня. Везде разьединенность, особенность; каждый живет у себя дома и крепко отгораживается от соседа. Это еще заметнее в Замоскворечьи, этой чисто купеческой и мещанской части Москвы: там окна завешены занавесками, ворота на запор; при ударе в них раздается сердитый лай цепной собаки, все мертво, или, лучше сказать, сонно; дом или домишко похож на крепостцу, приготовившуюся выдержать долговременную осаду. Везде семейство, и почти нигде не видно города!..

В Москве много трактиров, и они всегда битком набиты преимущественно тем народом, который в них только пьет чай. Не нужно объяснять, о каком народе говорим мы: это народ, выпивающий в день по пятнадцати самоваров, народ, который не может жить без чаю, который пять раз пьет его дома и столько же раз в трактирах. И если бы вы посмотрели на этот народ, вы не удивились бы, что чай не расстроивает ему нерв, не мешает спать, не портит зубов; вы подумали бы, что он безнаказанно для здоровья может пудами употреблять опиум... Кондитерских в Москве мало; в них покупают много, но посещают их мало. Гостиницы в Москве существуют преимущественно для приезжающих или для холостой моло-

дежи, любящей кутнуть. Обедают в Москве больше дома. Там даже бедные холостые люди по большей части любят обедать у себя дома, верные семейственному характеру Москвы. Если же они обедают вне дома, то в каком-нибудь знакомом им семействе, особенно у *родных*. Вообще Москва, славная своим хлебосольством и гостеприимством, чуждается жизни городской, общественной и любит обедать у себя дома, *семейно*. Славится своими сытными обедами Английский клуб в Москве; но попробуйте в нем пообедать – и несмотря на то, что вы будете сидеть между пятьюстами или более человек, вам непременно покажется, что вы пообедали у родных. Что же касается до постоянных членов клуба, они потому и любят в нем обедать, что им кажется, будто они обедают у себя дома, в своем семействе. Характер семейственности лежит на всем и во всем московском!

Родство даже до сих пор играет великую роль в Москве. Там никто не живет без родни. Если вы родились бобылем и приехали жить в Москву, – вас сейчас женят, и у вас будет огромное родство до семьдесят седьмого колена. Не любить и не уважать родни в Москве считается хуже, чем вольнодумством. Вы обязаны будете знать день рождения и именин по крайней мере полтора человека, и горе вам, если вы забудете поздравить хоть одного из них. Это немножко хлопотно и скучно, но ведь зато родство – священная вещь. Где развита в такой степени семейственность, там родство не может не быть в великом почете.

По смерти Петра Великого Москва сделалась убежищем опальных дворян высшего разряда и местом отдохновения удалившихся от дел вельмож. Вследствие этого она получила какой-то аристократический характер, который особенно развился в царствование Екатерины Второй. Кто не слышал о широкой, распашной жизни вельмож в Москве? Кто не слышал рассказов о том, как в своих великолепных палатах ежедневно угощали они столом и званого и незваного, и знакомого и незнакомого, и в городе и в деревне, где для всех отворяли свои пышные сады? Кто не слышал рассказов о их пирах, – рассказов, похожих на отрывки из «Тысячи и одной ночи»? Видите ли, что Москва и тут осталась верна своему древне-московитскому элементу: чванство и чивость, распашная и потешная жизнь в ней нашли свой приют! Но с предшествовавшего царствования Москва мало-помалу начала делаться городом торговым, промышленным и мануфактурным. Она одевает всю Россию своими бумажнопрядельными изделиями; ее отдаленные части, ее окрестности и ее уезд – все это усеяно фабриками и заводами, большими и малыми. И в этом отношении не Петербургу тягаться с нею, потому что самое ее положение почти в середине России назначило ей быть центром внутренней промышленности. И то ли будет она в этом отношении, когда железная дорога соединит ее с Петербургом и, как артерии от сердца, потянутся от нее шоссе в Ярославль, в Казань, в Воронеж, в Харьков, в Киев и Одессу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания